

А.Стальсберг

ТОРГОВЫЙ ИНВЕНТАРЬ ЖЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ЭПОХИ ВИКИНГОВ (СУБЪЕКТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ)

A.Stalsberg. Trade Utensils of Female Burials of the Viking Age. (Subjective Interpretation).

The article is dedicated to the social interpretation of female burials of the Viking Age that contained trade utensils. We are talking about folding scales of bronze and small weights of bronze or iron covered by bronze, of various forms. They are dated by the late IX-XI c. It is widely known that the scales and weights are directly connected with trading, even though their usage is possible for other purposes. Trade inventory is usually regarded as belonging to a male tradesman. The presence of such kind of inventory in female burials is usually either not explained or is not discussed as an attribute of trading. The interpretations that can be encountered in the scientific literature regard trade utensils in female burials as anomaly that demands a special interpretation. The author of the article believes that the housewife is buried together with the trade utensils belonging to her family on which she had the same right as her husband, replacing him or, maybe, being his widow. In such case trade utensils in the burial are a sign of the profession of the family, not of a certain person. On the basis of the analysis of archaeological data and written records the author suggests that women could play the role of tradesmen at the Viking Age in their society.

В западной археологии последних лет прошла оживленная дискуссия о социальной роли половой принадлежности («гендер-проблема»). Подобной интеллектуальной активности, по мнению некоторых, не отмечалось с 1960-х гг. (Mandt 1992). «Гендерный подход» в археологии связывают, с одной стороны, с женским движением современности, а с другой – со значением современности или сформированной ею культуры исследователя для его исторических представлений. Все так или иначе связаны ценностями (политическими, религиозными, нравственными) своего современного общества. По мнению многих исследователей, история, которую мы пишем, является субъективной конструкцией, плодом творчества сознания исследователя.

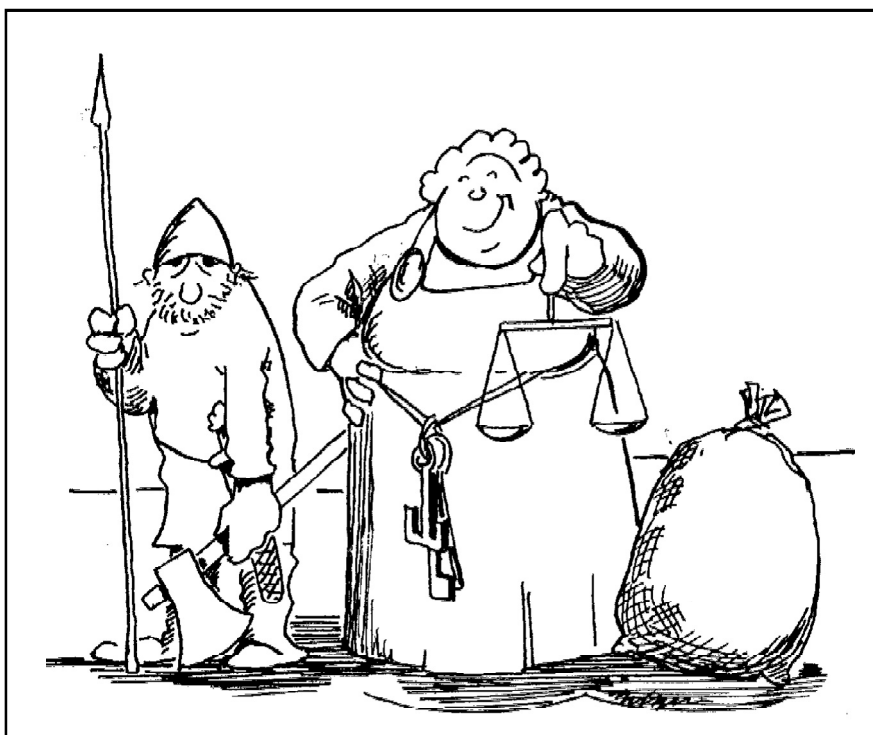
Женское движение связано с идеологией равенства, которая отражает радикальную, передовую политику 1960-70-х гг., часто основывающуюся на марксистской идеологии. Женское движение занималось не только политикой, но и историей женщин, значением женщин в истории, стараясь воссоздать более полную картину прошлого, а не только историю, например, мужчины-охотника и женщины, ухаживающей за детьми у очага, или мужчины – храброго воина, и анонимной домашней хозяйки. Или, как принято в норвежской археологии, женские погребения с относительно богатым инвентарем интерпретируются скорее как отражение богатства ее семьи, ее рода, чем отражение ее собственных достижений. Так, один из исследова-

телей писал о самой богатой находке эпохи викингов, из Осеберга, что материал ограничен, поскольку в нем нет мужских вещей (Grieg 1928: 1). Женщины рассматриваются как явление второго порядка, дополнительный штрих к общей картине.

Понятие «гендер» (англ. Gender) правильно раскрыть не как «пол», а как «социальный род», роль половой принадлежности индивида. Это различие, не отраженное ни в скандинавских, ни в русском языке, заставляет исследователей употреблять в специальном значении производное от английского понятие «гендерные исследования, проблемы» и т.п.

Норвежская археология ранее других обратилась к изучению роли женщин в древних обществах (вслед за историками). Первый специальный археологический симпозиум состоялся в 1979 году, а на конференции 1984 года были основаны организация и одноименный журнал «Kvinner i arkeologi i Norge» (KAN), «Женщины в археологии Норвегии». Цель KAN, в числе прочего, содействовать качественно новым исследованиям вышеназванных новых теорий, заново оценить методические принципы и новые взгляды на источники, поиск новых источников. В предисловии книги «Археологическая теория в Европе. Последние три десятилетия» редактор, известный английский археолог Я.Ходдер отмечает среди важных теоретических достижений последних лет, что «скандинавская археология, особенно в Норвегии, развила сильную традицию феминистских гендерных исследова-

Хозяин и хозяйка
(Художник: Археолог
Гейр Хельген /
Geir Helgen).

ний» (Hodder 1991: 18). Кроме названных, в Северных странах организуется серия конференций по истории женщин с участием историков и археологов. Журнал KAN получил научное признание. При Норвежском совете по науке создан особый секретариат по женским исследованиям, при каждом университете – центр женских исследований, где работают профессора, исследователи, аспиранты и докторанты.

Исследования, связанные с этим движением – разнообразны, от теоретических до прагматических. Они охватывают различные памятники и периоды. Я занималась двумя конкретными темами, относящимися к гендерным исследованиям в археологии: во-первых, это значение женских находок среди скандинавских находок эпохи викингов на Руси для интерпретации всего объема данного материала и понимания характера русско-скандинавских отношений и варяжской активности на Руси, во-вторых, вопрос о роли женщин в торговле эпохи викингов. Первая тема освещена в короткой статье, опубликованной в «Археологических Вестях ИИМК РАН» (Стальсберг 1994; русский текст частично искажен, следует пользоваться английским резюме, см. также Stalsberg 1987, 1991). Вторая тема, очевидно, дискуссионна: речь идет об интерпретации находок складных весов и гирек в женских погребениях Скандинавии эпохи викингов. Я рассматривала их как признак участия женщин в торговых операциях, осуществлявшихся их семьями. Это вызвало различную реакцию: некоторые ученые, в том числе российские, отмечали, что наконец-то получили оценку находки, давно удивляющие иссле-

дователей, другие коллеги (исключительно мужчины) предостерегали – тссс, женщины – торговцы! Материал не поддерживает такую смелую интерпретацию! Должна отметить, что полностью поддержал возможность такой интерпретации Г.С.Лебедев по отношению к одному из женских погребений на «Княщине» Старой Лядоги (Лебедев 1995: 69).

Речь идет о складных весах из бронзы и гирьках из бронзы или железа, покрытого бронзой, различных форм (Пушкина 1991). Они датируются поздним IX-XI вв. (Jondell 1975: 10; Graham-Campbell 1980: 88; Callmer 1980: 207). Они привозились в Скандинавию либо из англо-ирландской зоны, либо из арабских халифатов, возможно и то и другое (ср. Jondell 1975). В Тимерево найдены весы с арабской надписью, означающей в переводе «налог» (Фехнер, Янина 1978). Важно, однако, что весы и гирьки употреблялись для взвешивания мелких по объему ценностей, какими в эпоху викингов было, прежде всего, серебро: монеты, их обрезки, слитки. Весы были орудием не просто кого-либо, а именно тех, кто имел возможность взвешивать серебро. Эпоха викингов богата серебром, но оно было не у каждого в кармане. Общепринято, что весы и гирьки непосредственно связаны с торговлей, даже если возможно их использование и при других общественных функциях. Князь мог взвешивать ими плату своим дружинникам, делить добычу, либо хозяин мог просто употреблять их в своем хозяйстве, без того, что можно назвать торговлей. «Мудрые женщины» могли ими взвешивать лекарства (Sognnes 1993). В некоторых гирьках имеются дырочки, очевидно,

они стали амулетами, но естественно предположить, что их носители были связаны с употреблением весов.

Торговый инвентарь обычно рассматривается как принадлежность мужчины-торговца, и его присутствие в женских погребениях не объясняется или вообще не обсуждается как атрибут торговли. Эти вещи рассматриваются как прощальный подарок от мужа, либо знак высокого ранга, или свидетельство того, что жена умерла, управляя хозяйством как заместительница мужа в отсутствие последнего (Dommasnes 1982: 83; Ellmers 1984: 178), как социальный признак жен купцов, «хотя этот вывод кажется несколько сомнительным» (Blindheim 1982: 124). Такие и аналогичные интерпретации словно рассматривают торговый инвентарь в женских погребениях как аномалию, требующую особого истолкования.

Фундаментальный принцип археологической интерпретации состоит в том, что погребальный инвентарь принадлежит покойному/покойной, что меч является его мечом, фибула — ее фибулой, или тесно связаны с умершими. Погребение — не просто удаление трупа. Род должен обеспечить покойному почет и необходимое оснащение для потусторонней жизни. Погребальный обряд не случайное собрание вещей, они уложены в погребение по определенному ритуалу. Только соотнеся погребальный инвентарь с умершим, археолог может сделать выводы относительно пола, культурной принадлежности, религиозных представлений, профессии, богатстве покойного/покойной. Лицо с подобающим погребальным инвентарем рассматривается как полноправное свободное лицо. Согласно такой аргументации, торговый инвентарь должен принадлежать в погребении — женщине, а не ее мужу, оставшемуся среди живых; следовательно, и при жизни женщина играла какую-то роль в торговле.

Рассмотрим материал. Учтены лишь опубликованные в литературе данные о находках весов и гирек. Они достаточны для постановки вопроса и предложения интерпретации. Безусловно, в дальнейшем необходим полный сбор и анализ подобного материала. В данной интерпретации я считаю весы и/или гирьки полным набором торгового инвентаря, а находки частей — символом торгового инвентаря в погребении. По Норвегии Эрик Йондэль собрал данные о весах, но не о гирьках (Jondell 1974). Пол покойного (gender) мне удалось установить для 47 погребений, из них 17% женских, 81% мужских и 2% парных. В Бирке (Швеция) по публикации Хольгера Арбмана (Arbman 1943) торговый инвентарь найден в 132 погребениях, из них 32% женских, 3% парных, 28% мужских, 37% неопределимы по полу. Три из женских погребений являются детскими (Kuhlberg 1986: 150-151). Это вряд ли имеет особое значение, так как девочек могли обучать профессии, которой они зай-

мутся во взрослом состоянии. Археологов не смущают находки маленьких топоров в погребениях мальчиков. Материал по Руси собран мною по литературе и собраниям музеев СНГ. По моим подсчетам, скандинавские вещи найдены в 122 женских погребениях, 97 мужских, 35 парных, всего 244 комплекса (Stalsberg 1988, 1991, 1991b, 1994). В 73 погребениях со скандинавским инвентарем (при этом не обязательно они были погребениями именно скандинавов) найден торговый инвентарь, в том числе 28 погребений с гирьками, 4 с весами, 7 с весами и гирьками. Данные сведены в таблицу:

	Ж	ЖМ	М
Юго-Восточное Приладожье	1	4	
Ярославское Поволжье	2	4*	3
Белымер, Волжская Болгария	1		
Залахтовые	1		
Гнездово	5**	5	2
Новоселки	1		
Шестовицы	8	11	18
РУСЬ	22%	30%	48%
Бирка	32%	3%	28%

* В одном погребении торговый инвентарь принадлежал мужчине, в двух погребениях находился мужчина и ребенок.

** В одном погребении — две женщины.

Т.А.Пушкина рассмотрела торговый инвентарь из Смоленского Поднепровья, Тимерева и Шестовиц (не принимая во внимание этническую принадлежность). Она нашла, что большинство находок торгового инвентаря происходит из мужских погребений (Пушкина 1991: 231). Однако в опубликованной ею таблице 3 бросается в глаза, что весы найдены в 2 женских, 1 мужском и 2 парных погребениях, а гирьки вместе с весами найдены в 2 женском и 1 мужском погребении. Она полагает, что женские погребения с торговым инвентарем не следует считать погребениями купцов (Пушкина 1991: 233). Безусловно, русский материал следует с достаточной осторожностью сравнивать со скандинавским, однако находки весов и целых комплектов торгового инвентаря в женских погребениях указывают на общие черты.

Логичный вывод из рассматриваемого материала — о том, что в эпоху викингов некоторые из скандинавских женщин принимали участие в торговой деятельности своих экономических ячеек. Почему же археологи так неохотно говорят о женщинах-торговцах? По средневековым источникам известны не только женщины — мелкие торговки, но и богатые женщины, занимавшиеся торговлей (главным образом вдовы, см. Damchott 1992; Trein Nielsen 1982). Хорошей

аналогией в Скандинавии является положение жены свободного крестьянина, хозяйки хутора, известной по погребениям с набором украшений (я не имею в виду женщин самой верхушки общества, как «королеву» из Осеберга). По средневековым законам хозяйка отвечала за работу «внутри порога», то есть готовила еду, одежду, ухаживала за скотом, и она при этом экономила еду, что важно в странах, где сезон растительности длится всего два месяца. Она была заместительницей хозяина в его отсутствие и уступала по рангу только ему. Она имела легальное право владеть ключами хутора, следовательно, она отвечала за то, что находится «под замком и запором» (*i ladom eda i lokom*, по «Законам Гулатинга», см. Лебедев 1985: 50). И это – не только еда, но и прочее имущество, *fe*, куда относятся и украшения, и одежды, серебряная посуда и прочие ценности. Право иметь ключи она получила по свадебному ритуалу, и не от мужа (Wallen et al., 1970; Gunnes 1976: 269).

Нельзя без оговорок переносить эти законы на общество эпохи викингов, однако среди археологических материалов имеются находки, подтверждающие право хозяйки иметь ключи. В Норвегии 55,8 % ключей и остатки ларцов найдены в женских погребениях, 44,2% в мужских (на основе информации Petersen 1951: 482). Однако мужских погребений в Норвегии известно в три раза больше, чем женских, следовательно, ключи и ларцы в женских погребениях встречаются в 3,7 раза чаще, чем в мужских. Небезынтересно, что из погребений со скандинавскими вещами на Руси в 24 (из 154 определимых по полу погребений) содержатся ключи/замки/остатки ларцов. Из них 7 женских, а из последних 3 или, возможно, 4 – погребения скандинавские. Цифры отличаются от вышеприведенных данных по Норвегии и Бирке, но все-таки кажется, что скандинавские хозяйки на Руси сохранили свою, так сказать, ключевую позицию в жизни своей экономической ячейки – семьи.

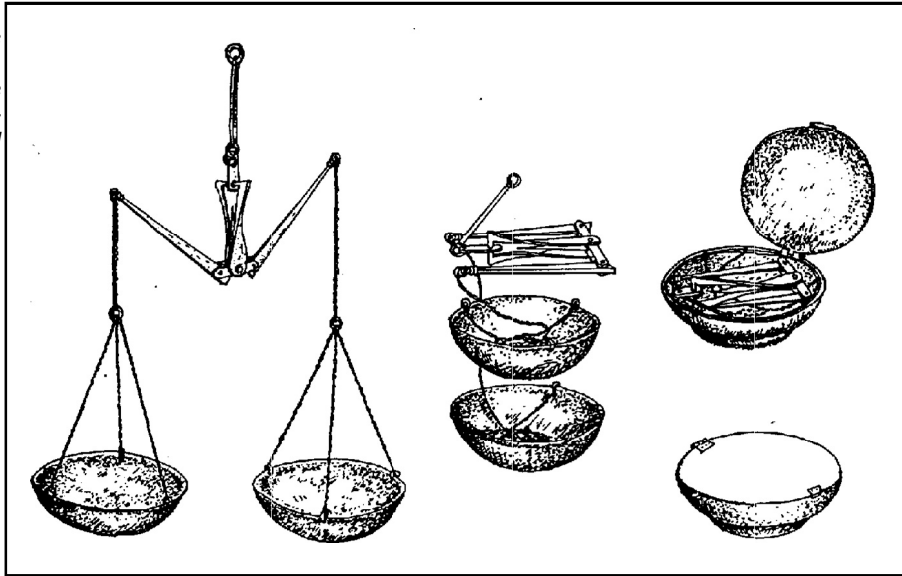
Итак. Положение хозяйки хутора представляет собой аналогию положения торговца-женщины. Обе занимали важную позицию внутри своей экономической ячейки, и можно думать, что не только хозяйка хутора, но и женщина, профессионально занимающаяся торговлей, была заместительницей хозяина в его отсутствие, как и полагают некоторые исследователи (Dommasnes 1982: 83; Ellmers 1984: 178). И если считать, что экономическая единица важнее, чем индивид, то можно полагать, что хозяйка захоронена с торговым инвентарем семьи, на который она имела такое же право, как муж, как его заместительница или, быть может, вдова. Если этот вывод правилен, то торговый инвентарь в погребении является признаком профессии семьи, а не отдельного лица. Современные исследования средневековой экономики обращают внимание именно на семью

как экономическую единицу, которая в капиталистических обществах работала не на накопление богатства, а на общее благо членов семьи (Howell 1986).

Есть, однако, одна большая проблема: синхронные письменные источники, ни европейские, ни восточные не упоминают женщин, принимающих участие в торговле скандинавов (насколько мне известно). Вполне возможно, что это объясняется тем, что авторы этих текстов работали в публичной сфере и не видели женщин, занятых в домашней сфере, в доме, «внутри порога», сфере, не отраженной в письменных источниках. Но также вероятно и то, как полагают некоторые исследователи, что женщины не отмечались в источниках, потому что авторами были христианские и мусульманские мужчины. В христианстве и исламе – иные представления о месте и роли женщины, чем у языческих скандинавов. Эти писатели, как и все другие наблюдатели, видели то, что они по своему знанию, воспитанию и культуре готовы были видеть, то, что они понимают и способны выразить на своем языке. Аналогичные проблемы встают перед исследователем, обращающимся к роли женщин в языческой религии скандинавов: письменные источники созданы после эпохи викингов, и древнесеверные писатели, начиная со Снорри (ум. 1240), умалчивают о женской перспективе, хотя даже по имеющимся источникам понятно, что женщины играли важную роль в языческом культе. Христианство подавляло женщин, и особенно их место в религии (Steinsland 1985).

Культурная обусловленность наблюдений других культур не является проблемой только для христианских и мусульманских авторов эпохи викингов, она существует и для нашего времени. В начале данной статьи упоминалась дискуссия о субъективности и объективности работ историков (и археологов), о степени их зависимости от культуры исследователей. Американский этнограф Элис Б.Кэ в 1983 году опубликовал статью под названием «Кандалы традиции» о влиянии викторианской культуры прошлого века на описания американских индейцев в работах этнографов, воспитанных в так называемой *викторианской культуре* прошлого века. Основоположники археологии – мужчины, воспитанные в этой викторианской культуре, что, конечно, влияло на их взгляды. Викторианское общество характеризуется тем, что оно патриархальное, буржуазное, где женщины считались слабыми и истерическими (греч. «*hystera*» значит «матка»). Идеал буржуазии – жена, которая не работает и ухаживает за домом, руководя служанками из низших классов. Такие сложные общества, как западноевропейское викторианское, могли создать и содержать группу слабых и зависимых женщин, где культивировался взгляд Аристотеля на женщину как незрелое, несовершенно существо. Понятно,

Складные весы,
найденные в
Норвегии.
(Рисунок: археолог
Сигмунд Альсакер / Sigmund
Alsaker.)

что женщины не могли заниматься самостоятельной, ответственной работой, например, торговлей, согласно мировоззрению мужчин этой культуры (Кеное 1983).

Старые, так сказать, общепринятые взгляды сохраняются до тех пор, пока, никто не поставит знак вопроса. Нетрудно заметить, что научный аппарат ссылок является консервативной силой, которая охраняет принятые теории, *кандалы традиции*. Среди кандалов традиции – трактовка торгового инвентаря, отклоняющаяся от обычной в археологии трактовки погребального инвентаря в целом, так как, по принятым представлениям, торговлей в эпоху викингов должны были заниматься исключительно мужчины.

Вероятно, этими воззрениями объясняется и отсутствие в языке нейтрального в половом отношении слова для обозначения купца. Скандинавские языки используют слова с буквальным значением «торговый муж(чина)», поэтому, отмечает датский историк, может появиться «женский торговый мужчина» (Trein Nielsen 1983: 4). Термины эти невольно, но закрепляют представление именно о мужчине.

То, что сейчас можно сказать о женщине в торговле, не полная правда, но часть правды. Археологический материал достаточно ясен, чтобы поставить вопросительный знак перед

принятым представлением о торговце-мужчине. Методологически не аргументировано, почему именно торговый инвентарь надо трактовать иначе, чем остальной погребальный инвентарь. Проблематично отсутствие упоминаний этих хозяек в синхронных источниках, и такое же положение – с вопросом о месте женщин в языческом культе Скандинавии. Один американский археолог заметил, что прошлое – зарубежная страна, где поступают по-другому (*they do things differently there*).

Лив-Хельга Доммаснес опубликовала (1982) обзор женской археологии в Норвегии последних двух десятилетий. Об анализе погребального инвентаря она пишет, что по ее мнению, важны не столько результаты, сколько продемонстрированная плодотворность нового подхода.

Может быть, самый важный урок подобных исследований состоит в том, что исследователи интерпретируют «Прошлое» в рамках своего знания, своей культуры, то есть субъективный фактор чрезвычайно важен. Этот хорошо известный факт нередко забывается. Надо осознанно подходить к материалу, быть готовым к тому, что дела в стране «Прошлое» обстоят совсем иначе, нежели это привычно и понятно нам. Для археолога не обязательно верить молчанию письменных источников больше, чем свидетельству археологических находок.

ЛИТЕРАТУРА

- Лебедев Г.С. 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Ленинград.
- Лебедев Г.С. 1995. Сакральная топография Ладоги в «Чуде Георгия о Змие» и женская субкультура раннехристианского Севера. // Ладога и Северная Русь. Чтения, посвященные памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21-22 декабря 1995 г. Материалы к чтениям. СПб. С. 65-70.
- Пушкина Т.А. 1991. Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья. // Смоленск и Гнездово. Москва.
- Стальсберг А. 1994. Проблемы культурного взаимодействия Руси и Скандинавии в VIII-XI вв. // Археологические Вести ИИМК РАН. № 3. СПб.
- Фехнер М.В. & Янина С.А. 1982. Весы с арабской надписью из Тимерева. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. Москва.
- Arbman Í. 1943. Birka. Die Gräber. Text. Uppsala.
- Blindheim Ch. 1982. Kaupangfunnene I. Norske oldfunn 11. Oslo.
- Callmer J. 1980. Numismatics and archaeology: some problems of the Viking Period. Fomvännan 75. Stockholm.
- Damsholt N. 1992. Europa 1200-1500 - Cappelens kvinnehistorie. Bd.1. Oslo.
- Dommasnes Liv Helga 1982. Late Iron Age in Western Norway. Female roles and ranks as deduced from an analysis of burial customs. // Norwegian archaeological review. 15.
- Dommasnes Liv Helga 1992. Two Decades of Women in Prehistory and Archaeology in Norway. // Norwegian archaeological review. 25.
- Howell Martha C. 1986. Women, Production and Patriarchy in Late Medieval Cities. Chicago. London.
- Ellmers D. 1984. Frühmittelalterliche Handelsschiffahrt in Mittel- und Nordeuropa. (Offa Monograph 28). Neumünster.
- Graham-Campbell J. 1980. Viking artefacts. A select catalogue. British Museum. London.
- Grieg S. 1928. Osebergfundet Bd. II. Oslo.
- Gunnes E. 1976. Rikssamling og kristning 800-1177. Norges historie. Cappelens Norgeshistorie. Bd. 2. Oslo.
- Hodder I. 1991. Archaeological Theory in Europe. The last three decades. London, New York.
- Jondell E. 1975. Vikingatidens balansvagar i Norge. (C 1-uppsats i arkeologi). Uppsala.
- Kehoe Alice Å. 1983. The Shackles of Tradition. The Hidden Half. Washington.
- Kyhlberg O. 1986. Die Gewichte in den Gräbern von Birka. Birka II: 2. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, Uppsala.
- Mandt G. 1992. Hva styrer våre valg av tokningsmodeller? Om framveksten av et nytt perspektiv i arkeologisk forskning. K.A.N. — Kvinner i arkeologi i Norge. Nr. 13-14. Tromsø.
- Petersen J. 1951. Vikingetidens redskaper. Oslo.
- Sognes K. 1993. Handelskvinner eller kloke koner? SPOR 1-1993. Trondheim.
- Stalsberg A. 1987. The Implications of the women's finds for the understanding of the Scandinavians in Rus' during the Viking Age. K.A.N. — Kvinner i arkeologi i Norge. Nr. 5. Trondheim.
- Stalsberg A. 1988. The Scandinavian Viking Age finds in Rus'. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 69. Mainz am Rhein.
- Stalsberg A. 1991. Tradeswomen during the Viking Age. Sex roles in prehistory. Archaeology and environment 11. Umeå.
- Stalsberg A. 1991b. Women as actors in North European Viking Age Trade. Social approaches to Viking studies. Glasgow.
- Stalsberg A. 1994 — Стальсберг А. Проблемы культурного взаимодействия Руси и Скандинавии в VIII-XI вв. // Археологические Вести ИИМК РАН. № 3. СПб.
- Steinsland O. 1983. Kvinner og kult i vikingtid. Kvinnearbeid i Norden fra vikingtiden til reformasjonen. Foredrag fra et nordisk kvinnehistorisk seminar i Bergen 3-7 august 1983. Bergen.
- Trein-Nielsen E. 1983. Kvindearbejdets art, vilkår og mulighed i Danmark ca. 1300-1650. Kvinder i middelalderen. (Symposieforedrag, Københavns universitet 1982). København.
- Wallen Per-Edwin, Stig luul Virtanen, Rigmor Frimannslund 1970. Husfrue. Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder. bd.7.